

Гуманитарная наука для дегуманизованного будущего?

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

Не хотелось бы злоупотреблять сравнениями, но два прослушанных сегодня доклада звучат для меня голосами из двух разных исторических эпох. В.М. Межуев словно представляет эпоху Возрождения, несколько редуцированную философией Просвещения. С.С. Сулакшин, напротив отстаивает сугубо функциональное видение гуманитарного знания — как практического подспорья «рационального» управления обществом (фактически его самосохранения).

Разумеется, мне, как историку, ближе первая точка зрения: гуманитарная наука (точнее — гуманитарная посылка) **по определению** должна работать не на власть, даже не на общество, а на **человека**, на задачу сохранения его творческой самости. Вполне согласен и с другой его мыслью: гуманитарная наука, «развивающаяся» под диктовку так называемого естественно-научного «знания» — это знак увязания (в лучшем случае кризиса) общества, его породившего. Но я вовсе не отрицаю прикладного значения «фабрик мысли», хотя их возможности более чем ограничены — кто возьмет на себя смелость отказаться от лекарств, исходя их понимания смертности всего живого?

Возникает два вопроса: который из двух представленных вариантов является «спасительным»? Какой из них может быть реализован в современных российских условиях?

Прежде всего, должен заметить, что основная идея В.М. Межуева — вовсе не нацелена на «спасение» определенного типа гуманитарного знания и общества, к которому оно привязано. Такой подход был бы наивным. Всякая куль-

тура, задающая духовный импульс обществу, во-первых, исторична, т. е. переживает периоды смерти и рождения, во-вторых — иерархична, т. е. в основе ее лежит определенный *тип личности*. Следовательно, надо спасать не общество, как таковое, а слой людей, способный задавать ему высшие смыслы, т. е. поддерживать само его существование за счет лежащей за его пределами перспективы. Но хотел бы заметить, что пессимистичный сценарий В. Межуева действует в исторически ограниченных пределах современной «атлантической» (иудео-христианской) цивилизации. За ее границами он лишен всякого смысла.

Что касается нынешнего российского общества, то ему подобные предложения нужны как прошлогодний снег — оно живет по совершенно иным, несравненно более примитивным законам. Это общество даже не в состоянии уловить алармистской составляющей подобного типа докладов. И уж конечно оно никогда не возьмется всерьез воссоздавать генерацию мыслителей, которые будут смотреть на него как на «ошибку истории». Кому приятно узнать, что он не просто скотина, а скотина, занятая расширенным воспроизводством своего скотского состояния. Такому обществу нужны не философы, а зоотехники.

Любям любой цивилизации надо бы думать о собственном «высоком» назначении. В противном случае ими будут манипулировать от рождения до смерти не как людьми, а как «социальными животными». Большого они не заслужат.

С.С. Сулакшин всего этого не отрицает, но исходит, как

Книжная миниатюра.
Художник А.И. Калашников

мне представляется, из вполне утопических предпосылок. Будем откровенны: преодоление кризиса *гуманитарного* знания с помощью *негуманитарных* технологий и в рамках *нынешнего* типа государственности, владеющего определенным типом информационного пространства, невозможно в принципе. Наконец, нельзя забывать, что современное общество целиком и полностью отдано на откуп власти, которая озабочена исключительно задачей своего собственного самосохранения в существующем качестве не для общества, а за счет его слабости — в том числе онтологической. Общество, манипулируемое такой властью, живет исключительно «стабильностью» сегодняшнего дня, т. е. в сущности само отрицает свое собственное будущее. Цивилизация, лишенная не только внутреннего «духа», но и смысла, будет до бесконечности тиражировать всевозможные технологии управления, развития, самоуправления, саморазвития и т. д. и т. п., но это ее не спасет, как лекарства не спасают комфортную старость от смерти.

Я готов снять шляпу перед идеализмом автора, но нынешний гуманитарий может надеяться только на самого себя и себе подобных, но не на общество и, тем более не на государство. Я более тридцати лет работаю в одном и том же академическом институте. Могу сказать, что как целое, он не только не генерирует никаких мыслей, но и убегает от них. И дело не в преобладании «бездельников». Такого рода учреждения — по универсальным законам бюрократического ведомства — начинают работать на самих себя. Предложения, исходящие из подобных учреждений — это очередная «инъекция в протез». И это при том, что наша академическая гуманитарная наука наголову выше университетской.

Не стоит надеяться и на возможность решить те или иные гуманитарные проблемы с помощью тех или иных «проектов», предложенных «независимыми» научными сообществами. Подобные проекты (в идеале!) годятся лишь на то, чтобы привлечь внимание к той или иной пробле-

ме — дать готовые рецепты они не способны. К тому же, у нас на такие проекты обычно слетаются всевозможные халтурщики и эпигоны.

Давным-давно мне довелось прочитать фантастический рассказ под названием «31-й этаж». Смысл его в том, что «самодостаточное» демократическое общество загоняет гуманитариев на вершину небоскреба. Там они могут творить все, что угодно — их никто не услышит, до их откровений никому нет дела. Сегодня мы приближаемся к этому «идеалу» — с той лишь разницей, что на гуманитария всегда готовы указать как на пожирателя общественных средств и даже либерального «врага народа».

Я вовсе не собираюсь проливать слезы по поводу несомненного торжества «пессимистического» сценария. Возникший сегодня спор (или диалог) — спор достаточно старый. Достаточно вспомнить старика О. Шпенглера, чтобы понять, что идеи, которыми живет культура, продуцируются одиночками, а «фабрики мысли» способны лишь продлить агонию «бездуховной» цивилизации. Строго говоря, подобные «фабрики» годятся лишь для того, чтобы в их недрах выросли фигуры, способные показать их принципиальную неэффективность.